

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10004

ИРАН И ИЗРАИЛЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ: ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПУТИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Хасан Реза Джаббаринасир

*Национальный институт социальных и культурных исследований
Исламской Республики Иран,
Тегеран, Иран*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 18 июля 2019 <i>Принята к печати:</i> 12 октября 2019</p>	<p>Аннотация: Активное вовлечение в ближневосточные дела стало одним из ключевых трендов российской внешней политики текущего десятилетия. Учитывая высококонкурентный характер контекста ближневосточного взаимодействия, России приходится постоянно искать баланс в отношениях с соперничающими между собой странами региона. Иран и Израиль являются теми государствами, отношения которых вполне вписываются в рамки картины холодной войны. Несмотря на этот факт, России удается сохранять достаточно высокий уровень взаимоотношения с обоими государствами. Однако такое маневрирование имеет свои пределы. Цель статьи – исследовать основные детерминанты значимости Ирана и Израиля во российской внешней политике и ключевые ограничители на пути сотрудничества России с этими государствами на современном этапе. В статье используются идеи школы (нео)реализма и (нео)либерализма. Методологически исследование опирается на сравнительный метод и системный подход, который позволяет устанавливать корреляции между взаимодействующими внутри-внешнеполитическими элементами при осмыслении их влияние на внешнюю политику государства. К основным результатам исследования автор относит следующие. Первое, установлено, что место Ирана в современной внешней политике России определяют преимущественно конъюнктурные факторы, тогда как аналогичное положение Израиля определяется не только факторами ситуативного характера, но и более долгосрочными детерминантами, опирающимися на исторические, религиозно-этнические, политико-экономические основы. В случае с Израилем ситуативные геополитические и экономические детерминанты дополняются относительно долгосрочным – человеческим фактором, формирующимся ресурсами и возможностями русскоязычной еврейской диаспоры. Второе, показано, что, несмотря на высокий уровень взаимодействия России с Ираном и Израилем на современном этапе, существует целый ряд факторов, ограничивающих становление стратегического сотрудничества между ними. Ключевыми ограничителями в этом контексте в российско-иранских отношениях представлены проблемы нерешенности правового статуса Каспийского моря, внешнеполитическая стратегия России «всех азимутов» на Ближнем Востоке, опасения Москвы по поводу растущего регионального влияния Ирана и его возможностей по диверсификации путей поставок энергоносителей из государств Центральной Азии в Европу и негативное влияние сближения с Ираном на отношения с Западными государствами. К ключевым факторам, сдерживающим стратегический характер российско-израильских отношений, отнесен не только союзнический характер отношения Израиля и США, но и позиция России по ближневосточному урегулированию, расширяющиеся взаимодействия Москвы с Палестинской Национальной Администрацией и отношения с Ираном и поддерживаемых им военизированных группировок в регионе, признанные Тель-Авивом террористическими. И, третье, на основе анализа совокупности факторов, сделан вывод о том, что отношения России с Ираном и Израилем не могут носить стратегического характера, поскольку некоторые детерминанты значимости этих государств в современной российской внешней политике одновременно представляются и ограничителями более тесного сотрудничества в рамках данного треугольника.</p>
<p>Об авторе: к.полит.н., научный сотрудник, Национальный институт социальных и культурных исследований Исламской Республики Иран e-mail: hjabbarinasir@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова: анализ внешней политики; баланс сил; Иран во внешней политике России; Израиль во внешней политике России; Ближний Восток</p>	

Во внешней политике современной России Иран и Израиль занимают важное место. Хотя значимость взаимоотношения с ними не нашла отражения в доктринальных документах Российской Федерации, в практической плоскости в контексте «возвращения» Москвы на Ближний Восток от позиции Тегерана и Тель-Авива зависит многое. Иран и Израиль находятся в состоянии перманентной «холодной войны», что является вызовом для российской дипломатии, заставляя ее постоянно маневрировать. Иран может быть использован Россией в качестве сдерживающего фактора Израиля, который в свою очередь представляется удобным ограничителем иранского влияния в регионе. Эти сложные моменты данного «треугольника» актуализирует изучение особенностей взаимодействия между ними и специфику ключевых факторов, определяющих основу их взаимоотношения.

Цель настоящей статьи заключается в анализе факторов значимости Ирана и Израиля во российской внешней политике и ключевых ограничителей на пути сотрудничества России с этими государствами на современном этапе. Такая постановка цели и ее достижение позволит ответить на *исследовательский вопрос* статьи, а именно – каковы пределы сотрудничества России с Ираном и Израилем несмотря на нынешнюю значительную позитивную динамику?

Главный *тезис* автора заключается в том, что, несмотря на текущий высокий уровень взаимопонимания и взаимодействия России с Ираном и Израилем, сотрудничества между ними определяется тактическими/конъюнктурными факторами, а не соображениями стратегического характера. Придерживаясь логики данного тезиса, автор для начала представляет теоретико-методологическую основу исследования внешней политики, определяет основные факторы, детерминирующие место упомянутых государств во внешней политике России. Далее, анализируются основные ограничители на пути сотрудничества России с Ираном и Израилем на современном этапе.

В теоретико-методологическом отношении исследование опирается в основном на идеи (нео)реалистской школы теории

международных отношений, однако используются и отдельные постулаты неолиберальной парадигмы. Логику такого теоретико-методологического эклектизма при осмыслении феномена внешней политики автор обосновывает сложностью и изменчивостью данного феномена, адекватное осмысление которого требует исследования не только внешне-, но и внутривнутриполитических факторов.

Анализ научной литературы по тематике исследования выявил наличие значительного числа исследований по российско-иранским и российско-израильским отношениям. Однако в фокусе внимания существующих работ в основном оказываются либо отдельные аспекты сотрудничества упомянутых государств, либо их взаимоотношения анализируются преимущественно исходя из сложившейся международной обстановки. Научных работ, исследующих относительно устойчивые факторы, в том числе внутривнутриполитические, в определении иранского и израильского векторов российской внешней политики, в научном дискурсе крайне мало.

Аналогичным образом представляется картина научного осмысления ключевых ограничителей на пути становления более высокого уровня сотрудничества России с Ираном и Израилем. Конечно, отдельные препятствия на пути к стратегическому партнерству России с данными государствами нашли отражения в научных публикациях, однако комплексный анализ данных факторов не проводился. Настоящая статья тоже не может претендовать на комплексность в обозначенном направлении; она является попыткой рассмотрения в одном исследовании основных, по мнению автора, детерминантов значимости и ограниченности иранского и израильского направлений во внешней политике России на современном этапе.

Анализ внешней политики является одной из центральных проблем международных отношений и мировой политики. Так сложилось, что современному государству, претворяющему в жизнь определенный внешнеполитический курс, приходится взаимодействовать с другими акторами, как на международной арене, так и внутри госу-

дарства. Такая достаточно трудноуловимая связь делает категорию «внешней политики» одной из дискуссионных в современной теории международных отношений, допуская интерпретативное разнообразие ее теоретико-прикладных аспектов.

Анализ внешней политики государства сложно проводить в рамках одной теоретической парадигмы, учитывая динамичное развитие и резкую диверсификацию политических явлений и процессов, расширение акторного пространства мировой политики на современном этапе, усиление факторов неопределенности, непредсказуемости и неожиданности¹ в международных отношениях. Соответственно, определённый теоретико-методологический эклектизм в исследованиях внешней политики представляется не только обоснованным, но и необходимым.

Принципиальное значение для определения внешней политики государства имеют характеристика его национальных интересов и приоритетов. Средства их реализации разнятся в понимании представителей школ ТМО. Реалисты утверждают, что национальные интересы превалируют над международными принципами и стандартами. Известный представитель школы политического реализма Г. Моргенгау писал, что «цели внешней политики должны определяться в духе национальных интересов и поддерживаться силой»². Эти идеи модифицированы неореалистами, считающие внешнею политику детерминированной структурой международных отношений. Она опирается на положения теории баланса сил, определя-

ющая логику курса государств на недопущение усиления других государств. Структура мировой системы не только ограничивает деятельность актора на глобальной арене, но и, как отмечает К. Уолц предоставляет благоприятные возможности. Структурные особенности международной системы также определяют различия целей и результатов внешней политики государств³.

Хотя реализм, исследуя приоритет вопросов безопасности и укрепления силы государства, вносит значительный вклад в теоретическом осмыслении внешней политики, тем не менее чрезмерный акцент данной школы на конфликтах в ущерб сотрудничеству делает ее объектом критики. Конечно, военная сила является одним из важных факторов международного влияния государства, однако в современных условиях глобализации и растущей взаимозависимости на первый план все чаще выходят не-силовые средства, например, экономическая сила.

Упомянутый выше тренд подхватывается уже в рамках неолиберальной школы ТМО, представители которой исходят из предпосылки, что сотрудничество больше отвечает интересам государства, чем конфликт. По словам видных сторонников данного теоретической школы Р. Кохейна и Дж. Ная, создавая международные институты и формируя режимы, государства преодолевают анархию в международных отношениях; становятся более взаимозависимыми⁴. Хотя такая взаимная зависимость может порождать и конфликты интересов, кооперация в такой системе все же более выгодно. Данные постулаты развиваются и уточняются в рамках неолиберальных течений институционализма и неофункционализма.

Осмысление внешней политики не ограничивается приведенными выше тео-

¹ Лебедева М.М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? // Внешняя политика: вопросы теории и практики / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: МГУ, 2009. С. 32-42. [Lebedeva, M.M. Vneshniaia politika: ischeznovenie ili perezagruzka? (Foreign Policy: Disappearing or Resetting?) / in: Vneshniaia politika: voprosy teorii i praktiki, ed. by P.A. Tsygankov. Moscow: MGU, 2009. Pp 32-42.]

² Моргенгау Г. Международная политика / Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т.2. С. 501-507. [Morgentau, G. Mezhdunarodnaia politika / Antologiya mirovoi politicheskoi mysli (International Politics / in: Anthology of World Political Thought) in 5 Vol. Moscow: Mysl', 1997. Vol. 2. Pp. 501-507.]

³ Руми Ф. Соединенные Штаты Америки и их влияние на отношения Ирана и России // Политика и общество. 2015. №11 (131). С. 1504-1510. [Rumi, F. Soedinennnye Shtaty Ameriki i ikh vliianie na otnosheniia Irana i Rossii (The United States of America and Its Influence on Relations between Iran and Russia) // *Politika i obshchestvo*, 2015, No. 11 (131), pp. 1504-1510.]

⁴ Keohane, R.; Nye, J. Power and Interdependence. World Politics in Transition, Boston: Little Brown, 1977.

ретическими течениями. В последние два десятилетия популярными становятся идеи конструктивизма, исходящего из постулата о социальной конструируемости системы международной системы, ее зависимости от норм, смыслов, идентичностей и т.д. акторов. Однако в настоящей работы автор ограничивается подходами школы (нео)реализма и (нео)либерализма. Одновременно следует отметить, что в определении места той или иной страны во внешней политике другого государства, реализм объясняет преимущественно внешние факторы. Относительно комплексный анализ в данном направлении требует и рассмотрение ключевых внутренних мотивов внешней политики.

Данный подход основывается во многом на идеях транснационалистов, исследующих взаимосвязи внутренней жизни общества и международных отношений. Еще в 60-е годы Дж. Розенау писал о роли культурных, социально-экономических факторов в объяснении поведения государств на международной арене⁵. Однако следует отметить, что некоторыми учеными влияние внутренних факторов на внешнюю политику ставится под сомнение. К внутренним факторам в основном относят общественное мнение, идентичность, культуру, группы интересов, форму правления/политический режим и т.д. Степень влияния данных категорий на внешнюю политику конечно вариативна/ситуативна. Лидеры часто игнорируют мнение населения при выработке внешнеполитического курса, однако общественное мнение, ее идентичность – то, как она видит свое место среди других государств, и восприятие своей роли в мире являются мощными идейными ресурсами, которые формируются обществом, а их игнорирование может иметь неоднозначные последствия для под-

держки внешнеполитической элиты⁶. Значительными в разных страновых контекстах представляется влияние социальных групп. Группы интересов, которые формируются на основе этнической идентификации, религиозной аффилиации или экономической заинтересованности не только играют роль связующего звена между государством и обществом, но и, имея идейные, людские, финансовые ресурсы, могут оказать влияние на разные аспекты и векторы внешней политики государств.

Таким образом, нужно отметить, что анализ внешней политики государств не может быть осуществлен по конкретному «шаблону» или в рамках одной теоретической парадигмы. Необходим системный подход, позволяющий находить корреляции между взаимодействующими внутри-внешнеполитическими факторами, выявить их влияние на осуществление государством определенного курса внешней политики, а также определить место той или иной страны в текущей внешней политике конкретного государства. Последний пункт, следует отметить, не всегда детерминирован совокупностью внутри-внешнеполитических источников, часто ключевыми выступают только внешние факторы, а теоретической платформой исследования в этом случае обычно становится реалистская школа.

Осмысление роли Ирана и Израиля во внешней политике России и существующих ограничений на пути сотрудничества этих государств в рамках настоящей статьи во многом опирается на положения школы реализма, однако анализ отдельных аспектов данной проблематики требует привлечения и неолиберальных идей.

Ключевые факторы, определяющие место Ирана и Израиля во внешней политике России

В исследованиях внешней политики очень важно выявить те движущие силы, которые лежат в основе того или иного по-

⁵ Moshkova, T.D. Russian-Israeli Relations: the Role of the Russian-Speaking Community of the State of Israel // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. №2. С. 387-399. [Moshkova, T.D. Russian-Israeli Relations: the Role of the Russian-speaking Community of the State of Israel // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhduнародnye otnosheniia*, 2018, Vol. 18, No. 2, pp. 387-399.]

⁶ Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Eds by R. Beasley et al. Wash. (D.C.): CQ Press, 2001. P. 14.

литического курса государства. Вариация приоритетности таких детерминантов зависит от широкого перечня факторов. Некоторые из них носят ситуативный характер и зависят от сложившейся конъюнктуры, другие более долгосрочны и могут опираться на исторические, этнические, религиозные, политические и другие основы. Исходя из такого понимания, попытаемся выявить, что определяет место Ирана и Израиля во внешней политике современной России.

Иран во внешней политике России: ключевые детерминанты

На текущем этапе российско-иранские отношения находятся на достаточно высоком уровне, хотя еще в начале текущего десятилетия тон общения Москвы и Тегерана был более чем прохладным⁷. Еще раньше – в первые годы после распада СССР, как отмечают некоторые иранские исследователи, приверженцы евроатлантизма в российской внешнеполитической элите не находили для Ирана достойного места в системе российских внешних приоритетов. Более того, Иран рассматривался как угроза для интересов Москвы в Центральной Азии и на Кавказе⁸. Конечно, такие «взлеты» и «падения» в отношениях между государствами – явление не экстраординарное, однако возникает вопрос, какие относительно устойчивые движущие силы определяют место Ирана во внешней политике России. На взгляд автора, приоритетность Тегерана

определяется преимущественно следующими ключевыми факторами: геополитическое положение Ирана, антизападная / антиамериканская сущность иранской внешней политики и экономические интересы России.

Первый фактор связан с географическим расположением Ирана, позволяющим ему оказывать влияние на различные политические и экономические процессы от Кавказа до Ближнего Востока. В связи с этим Россия заинтересована в наличии надежных отношений с Ираном для решения широкого круга вопросов, от конфликта в Нагорном Карабахе и борьбы с международным терроризмом до вызовов стабильности на южных границах Центральной Азии и проблематики транс-каспийских трубопроводов.

В свете возобновления санкционного режима против Ирана и растущего военно-политического давления на него, страна, как отмечают исследователи, оказалась на историческом перепутье. Перед Тегераном стоят две внешнеполитические опции – активизация деструктивной деятельности, разжигая религиозные и этнические конфликты в регионе или выбор конструктивной позиции ответственного регионального игрока, решающего вместе с соседями общие проблемы безопасности⁹. Россия может стать ключевым посредником между Западом и Ираном, использовать нынешний высокий уровень политического взаимодействия с Тегераном для оказания влияния на выбор упомянутой выше конструктивной опции.

Одновременно место Ирана во внешней политике России определяется заинтересованностью Москвы в относительно сильном Иране, который мог бы сдерживать влияние суннитских государств и Израиля. Поддержка Ирана позволяет России сохра-

⁷ Кирьянов О. Ирану дали новый срок. Совбез ООН вводит против Тегерана дополнительные санкции // «Российская газета». Федеральный выпуск №5204 (125) от 10 июня 2010 г. [Kir'janov, O. Iranu dali novyj srok. Sovbez OON vvodit protiv Tegerana dopolnitel'nye sankcii (Iran is given a new term. UN Security Council imposes additional sanctions on Tehran) // «Rossijskaja gazeta». Federal'nyj issue №5204 (125). June 10, 2010.]

⁸ Усули Г., Расули Р. Отношения Ирана и России: возможности, вызовы и пути развития сотрудничества // Сиясат-е харичи. 2012. №1. С. 71-98. (на персидском языке). [Usuli, G.; Rasuli, R. Otnosheniia Irana i Rossii: vozmozhnosti, vyzovy i puti razvitiia sotrudnichestva (Relations of Iran and Russia: Opportunities, Challenges and Ways to Develop Cooperation) // Siiasat-e khariji. 2012, no.1. pp.71-98. (In Persian)]

⁹ Divsallar, A.; Kortunov, P. Moscow's Options in The Wake of A US Military Confrontation with Iran // *American Herald Tribune*. May 27, 2019. Mode of access: <https://ahtribune.com/world/3181-russia-iran-us-military-confrontation.html>; См. также: Duclos, M.; Kortunov, A. Helping Iran to Make the Right Choice // Institut Montaigne, May 13, 2019. Mode of access: <https://www.institutmontaigne.org/en/blog/helping-iran-make-right-choice>

нить равновесие сил на Ближнем Востоке¹⁰. Такая политика вполне вписывается в рамки концепции баланса сил реалистской школы теории международных отношений.

Антиамериканская сущность иранской внешней политики и проблемы в российско-американских отношениях во многом стали триггером возникновения невольного союзничества между Россией и Ираном. Сближение обоих государств происходило, прежде всего, на почве противодействия росту влияния США и НАТО, а также их стремлению придать ООН второстепенную роль в решении международных проблем. О совпадении взглядов и позиций двух стран по данным вопросам было в частности заявлено на переговорах В. Путина с бывшим президентом ИРИ М. Ахмединежадом на саммите по Каспию в 2007 году в Тегеране. Главы государств высказались за сотрудничество с целью создания более справедливого и демократического мирового порядка, обеспечивающего глобальную и региональную безопасность и создающего условия для всестороннего развития¹¹. Сирийский кризис, совпадающие позиции Москвы и Тегерана в его разрешении и диаметрально противоположная позиция США по данному вопросу значительно усилили российско-иранское сближение.

С точки зрения экономических интересов России, иранский вектор не представляется ключевым, однако он, на фоне санкционного давления на оба государства, становится более привлекательным. Именно в условиях санкции наметилась тенденция к

переориентации части иранских компаний на сотрудничество с Россией, хотя данная возможность остается использованной не в полной мере¹². Иран с его относительно динамичной экономикой и большим населением нуждается в поставках импортных товаров. Это делает Иран потенциальным перспективным рынком сбыта для товаров российской тяжелой промышленности, значительно уступающих в качестве зарубежным аналогам и не выдерживающих конкуренцию на рынках развитых стран.

Хотя на сегодняшний день на долю Ирана приходится не более 1% внешней торговли России, тем не менее в этом направлении есть позитивные тенденции. Положительные сдвиги в российско-иранском экономическом партнерстве наметились после принятия сторонами в Вене «Совместного всеобъемлющего плана действий» (СВПД) 14 июля 2015 года. В первом квартале 2016 года между странами вырос товарооборот на 22,1% по сравнению с предыдущим годом, а объем российского экспорта увеличился на 25,6%¹³. Подписанный сторонами ряд документов в ходе визита В. Путина в Иран в ноябре 2015 г., а также поставка в 2016 году Ирану комплексов С-300 стоимостью 1 млрд долларов¹⁴ способство-

¹⁰ Драганов А.А., Самохина Г.В. Специфика российско-иранских отношений в контексте современной геополитической ситуации в мире // Общество: политика, экономика, право. 2016. №3. С. 43-45. [Draganov, A.A.; Samokhina, G.V. Spetsifika rossiisko-iranskikh otnoshenii v kontekste sovremennoi geopoliticheskoi situatsii v mire (The Specifics of the Russian-Iranian Relations in the Context of the Current Geopolitical Situation in the World) // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2016, No. 3, pp. 43-45.]

¹¹ Divsallar, A.; Kortunov, P. Moscow's Options in The Wake of A US Military Confrontation with Iran // *American Herald Tribune*. May 27, 2019. Mode of access: <https://ahtribune.com/world/3181-russia-iran-us-military-confrontation.html>

¹² Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности: рабочая тетрадь. / [Белобров Ю.Я. и др.; гл. ред. И.С. Иванов]; [Российский совет по междунар. делам]. – М.: Спецкнига, 2014. С. 7. [Sovremennye rossiisko-iranskije otnosheniia: vyzovy i vozmozhnosti: rabochaia tetr. (Modern Russian-Iranian Relations: Challenges and Opportunities: working paper). Belobrov Iu.Ia. et al.; chief ed. I.S. Ivanov]. Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council. Moscow: Spetskniga, 2014. P. 7.]

¹³ Министерство экономического развития Российской Федерации. Портал внешнеэкономической информации. Распределение по странам [Ministerstvo jekonomicheskogo razvitiia Rossijskoj Federacii. Portal vneshejekonomicheskoi informacii. Raspreделение po stranam (Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Portal of foreign economic information. Country Distribution)] Mode of access: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreigntrade_statistics/countries_breakdown/

¹⁴ «Ростех» заявил о стоимости контракта на поставку С-300 Ирану в \$1 млрд [«Rosteh»

вали активизации российского бизнеса в Иране и сотрудничества сторон в военно-технической сфере.

Факторы израильского вектора российской внешней политики

В отличие от Ирана, факторы, определяющие место Израиля во внешней политике России, имеют более глубокие исторические корни и иную геополитическую природу. Ключевыми из них, на наш взгляд, являются фактор русскоязычной еврейской диаспоры, «геополитическое взаимопонимание», несмотря на союзнический характер отношения между Тель-Авивом и Вашингтоном, актуальность военно-технического сотрудничества, особенно в сфере высоких технологий и возможность сдерживания влияния Ирана в регионе.

«Человеческий» фактор в отношениях между Россией и Израилем занимает важное место. На данный момент русскоязычные граждане Израиля составляют примерно одну четвертую часть всего населения страны (примерно 1,5 млн человек) – соотношение, не имеющее прецедентов среди других развитых государств¹⁵. Логично, что оно определяет политико-экономическое влияние русскоязычной еврейской диаспоры. Так, в Кнессете 18-го созыва (2009-2012 гг.) заседали 15 русскоязычных депутатов, трое из них занимали министерские посты, включая и пост министра иностранных дел¹⁶.

zajavil o stoimosti kontrakta na postavku S-300 Iranu v \$1 mlrd («Rostech» Announced the Value of the Contract for the Supply of S-300 to Iran at \$ 1 billion)] // РБК, 20.02.2017. Mode of access: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58aad1959a794750f7870597>

¹⁵ Паламаренко Е.В. Настоящее и будущее российско-израильского сотрудничества // Научные записки молодых исследователей. 2017. №6. С. 46-55. [Palamarenko, E.V. Nastoishchee i budushchee rossiisko-izrail'skogo sotrudnichestva (The Present and Future of Russian-Israeli Cooperation) // *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei*, 2017, No. 6, pp. 46-55.]

¹⁶ Бочаров Ю.Б. Концептуальный анализ современной фазы развития взаимоотношений между Россией и Израилем // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. №1. С. 26-31. [Bocharov Yu.B. Kontseptual'nyi analiz sovremennoi fazy razvitiia vzaimootnoshenii

В Кнессете 20-го созыва заседают 9 русскоязычных депутатов из 120 парламентариев¹⁷. В Израиле существует несколько «русских» общественных организаций, действует 21 организация русскоязычных соотечественников, выходит множество газет на русском языке, существует более 150 русскоязычных телеканалов и радиостанций. Между парламентами двух стран установлены тесные взаимоотношения, основу которых в значительной степени закладывают русскоязычные депутаты Кнессета, заинтересованные в решении проблем своего электората. В результате такого лоббирования в свое время был принят закон об отмене визового режима между Израилем и Россией, что, в свою очередь, способствовало продвижению экономических связей¹⁸.

В целом, русскоязычные граждане Израиля выступают связующим звеном между государствами. Они принимают активное участие в экономической жизни, что оказывает положительное воздействие на позиции России в Израиле и способствует усилению политического, культурного и экономического влияния России как в данной стране, так и на Ближнем Востоке. Влияние русскоязычной общины на политику Израиля не так значительно, как на экономику. Однако существует потенциал такого влияния, ко-

mezhdou Rossiei i Izrailem (Conceptual Analysis of the Current Phase Development of Relations between Russia and Israel) // *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2013, No. 1, pp. 26-31.]

¹⁷ Чернин В. «Русские» депутаты Кнессета 20-го созыва // Институт Ближнего Востока, 23.08.2015. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=25686> [Chernin, V. «Russkie» deputaty Knesseta 20-go sozyva («Russian» MPs of the 20th Knesset)] // *The Institute of Middle East*, August 23, 2015. Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=25686>

¹⁸ Бочаров Ю.Б. Концептуальный анализ современной фазы развития взаимоотношений между Россией и Израилем // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. №1. С. 26-31. [Bocharov Yu.B. Kontseptual'nyi analiz sovremennoi fazy razvitiia vzaimootnoshenii mezhdou Rossiei i Izrailem (Conceptual Analysis of the Current Phase Development of Relations between Russia and Israel) // *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2013, No. 1, pp. 26-31.]

торый можно развить путем поддержания в русскоязычной общине русской культурной идентичности, укрепления русского языка и его внедрения в систему образования, поддержания связей и коммуникации между русскоговорящими евреями Израиля и России через различные культурные инициативы и т.д.¹⁹

Следует отметить и финансово-экономические ресурсы представителей еврейской диаспоры в России и возможности созданных ею крупных организаций. К примеру, в 1996 году группой крупных еврейских банкиров и предпринимателей во главе с В. Гусинским был учрежден Российский еврейский конгресс (РЕК), объединявший разрозненные еврейские организации на территории всей России. Было создано около 40 региональных центров, в руководство которых вошли крупные местные еврейские предприниматели. Только за первые 5 лет (1996-2001 гг.) существования РЕК в различные культурно-образовательные и благотворительные программы было вложено около 25 миллионов долларов²⁰. Сегодня в президиум и совет директоров РЕК входят крупные и известные российские бизнесмены, общественные деятели и чиновники еврейского происхождения.

Из других созданных еврейской диаспорой институтов нужно отметить функционирующий с февраля 1993 г. Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России (КЕРООР) и Федерацию еврейских общин России (ФЕОР), учрежденный в 1999 году. КЕРООР включает в себя как ортодоксальные, так и светские общины (100 еврейских организаций в 68 горо-

дах России)²¹. ФЕОР является инициатором создания по всей России «Ор Авнер» – сети еврейских средних школ с этнокультурным еврейским компонентом образования. Она, по мнению ряда обозревателей, пользуется большим влиянием в России, основываясь на поддержке со стороны администрации президента В. Путина. Согласно данным СМИ, известный российский бизнесмен и близкий к президенту Путину олигарх Роман Абрамович за годы существования ФЕОР пожертвовал в фонд организации около \$500 млн²².

При помощи вышеназванных организаций-гигантов в России издаются множество еврейских газет и журналов. Наиболее популярными среди них являются ежемесячные журналы «Алеф», «Лехаим», «Родник». С 2000 г. издается еженедельник «Еврейское слово», с 2002 г. – еженедельник «Еврейские новости» и др. Существуют и еврейские научные издания: с 1999 г. – журнал «Новая еврейская школа»; с 1993 г. издается «Вестник Еврейского университета Москвы» (с 1998 г. совместно с Еврейским университетом в Иерусалиме под названием «Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация») ²³.

Таким образом, русскоязычные граждане Израиля и россияне еврейского происхождения выступают главным связующим звеном между двумя государствами. Они принимают активное участие в социально-политической и экономической жизни двух стран и имеют в этих сферах серьезное влияние. Многие из влиятельных людей в двух странах имеют двойное гражданство – обстоятельство,

¹⁹ Moshkova T.D. Russian-Israeli Relations: the Role of the Russian-speaking Community of the State of Israel // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. №2. С. 387-399. [Moshkova, T.D. Russian-Israeli Relations: the Role of the Russian-speaking Community of the State of Israel // *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2018, Vol. 18, No. 2, pp. 387-399.]

²⁰ Россия. Евреи России после 1991 г. «Электронная еврейская энциклопедия», 25.10.2006. Режим доступа: <http://eleven.co.il/jews-of-russia/general-information/15445/>

²¹ Васецова Е.С. Россия и Израиль в сирийском кризисе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. №2. С. 7-14. [Vasetsova, E.S. Rossiia i Izrail' v siriiskom krizise (Russia and Israel in the Syrian Crisis) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 2016, No. 2, pp. 7-14.]

²² В Федерации еврейских общин РФ рассказали о пожертвованных Абрамовичем \$500 млн / Информационное агентство «ТАСС», 01.09.2018. Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/5171206>

²³ Каталог-база данных «Все еврейское образование». Режим доступа: <http://www.look-catalog.org/catalog.php?categoryid=63>

оказывающее непосредственное влияние на отношения между Россией и Израилем. Данный детерминант во многом подтверждает постулаты транснационалистов о взаимосвязи внутренней и внешней политики и роли в ее осуществлении социально-культурных, экономических и иных факторов.

С точки зрения геополитических интересов Москве и Тель-Авиву всегда удавалось находить сбалансированные из возникающих турбулентностей во взаимоотношениях. Между странами наблюдается достаточно динамичное и взаимовыгодное сотрудничество. Россия осознает, что ужесточение позиции в отношении Израиля приведет к все большему вовлечению в ближневосточный регион США и к ухудшению положения арабов²⁴. Так как одной из ключевых угроз интересам России на Ближнем Востоке является активное присутствие в регионе США, Москва заинтересована в налаживании предсказуемых и надежных отношений с Израилем²⁵, чтобы нивелировать триггеры для вовлечения США в региональные дела.

Со своей стороны, Израиль всегда демонстрировал уважение и понимание к геополитическим интересам России, стараясь не переходить за их «красные линии». Например, после российско-грузинского конфликта 2008 года Израиль обязался свернуть военно-техническое сотрудничество с Тби-

лиси, несмотря на изначально запланированного долгосрочного и взаимовыгодного характера этой кооперации²⁶. Почувствовав чувствительность России к данному вопросу, правительство Израиля сразу после военных действий в августе 2008 года приняло решение свернуть военное сотрудничество с Грузией²⁷. Можно упомянуть и решение израильских властей в 2014 году об отказе продавать оружие Украине и участия в анти-российских санкциях²⁸. Это же утверждение кажется адекватным в контексте сирийского кризиса и участия в нем России. Израиль хотя и выступал открыто за смену режима в Дамаске, однако данная позиция Тель-Авива не эволюционировала в кампанию по поддержке сирийской оппозиции²⁹.

Сотрудничество с Израилем в военно-технической сфере представляется актуальным для России, несмотря на достигнутые российской ВПК значительного прогресса. Соглашение о военном сотрудничестве между сторонами было подписано 6 сентября 2010 г. в ходе визита израильского министра обо-

²⁴ Бенилюш Ж. Чем объяснить согласие между Россией и Израилем? // ИноСМИ. 17.05.2018. Режим доступа: <https://inosmi.ru/politic/20180517/242254402.html>

²⁵ См.: Барнашов О.В., Мироу Ж., Халаф С.С. Факторы конкуренции между США и Россией на Ближнем Востоке // Современная конкуренция. 2014. №1 (43). С. 87-100. [Barnashov, O.V.; Mirou, Zh.; Khalaf S.S. Faktory konkurentsiia mezhdru SSHa i Rossiei na Blizhnem Vostoke (The Factors of Competition between the USA and Russia in the Middle East) // *Sovremennaiia konkurentsiia*, 2014, No. 1 (43), pp. 87-100.]; Семенова Т.А. Столкновение интересов России и США Ближнем Востоке // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. №1. С. 84-88. [Semenova, T.A. Stolknovenie interesov Rossii i SSHa Blizhnem Vostoke (The Clash of Interests of Russia and the US Middle East) // *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii*, 2013, No. 1, pp. 84-88.]

²⁶ «Following Russian Pressure, Israel Freezes Defense Sales to Georgia» // «Haaretz», August 8, 2008. Mode of access: <https://www.haaretz.com/1.5011055>

²⁷ Кожеуров С., Эпштейн А.Д. Россия и Израиль: Изменяющиеся векторы двусторонних отношений // Институт Ближнего Востока, 10.10.2010. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=11660>. [Kozheurov, S., Epshtein, A.D. Rossiia i Izrail': Izmeniaiushchiesia vektory dvustoronnikh otnoshenii (Russia and Israel: Changing Vectors of Bilateral Relations). Institut Blizhnego Vostoka, 10.10.2010. Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=11660>]

²⁸ Blank, S. Russia and Israel: Friends with benefits // The Hill, 17.05.18. Mode of access: <http://thehill.com/opinion/international/388217-russia-and-israel-friends-with-benefits>

²⁹ Бармин Ю.Н. Россия и Израиль: ближневосточное измерение отношений: рабочая тетрадь №42/2018 / [Ю.Н. Бармин]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2018. 24 с. [Barmin, Yu. N. Rossiia i Izrail': blizhnnevostochnoe izmerenie otnoshenii: rabochaia tetrad' (Russia and Israel: the Middle East Dimension of Relations: Working Paper). №42/2018 / [Yu.N. Barmin]; [chief ed. I.S. Ivanov]; Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council. Moscow: RSMD, 2018. 24 p.]

роны Эхуда Барака в Москву³⁰. Израиль поставляет России высокотехнологические разработки, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), в производстве которых Тель-Авив является мировым лидером. Израильские беспилотники привлекли внимание российских военных во время грузинской войны 2008 г., в ходе которой грузинские разведывательные БПЛА израильского производства продемонстрировали высокую эффективность. Руководство России приняло решение о закупке израильских БПЛА, российские военные заключили два крупных контракта на 53 млн долларов США, по которым уже в 2010 г. Израилем было поставлено в Россию: БПЛА «*Bird-Eye 400*» – 2 шт.; БПЛА «*I-view MK150*» – 8 шт., БПЛА «*Searcher Mk II*» – 2 штук³¹. На основе израильской технологии созданы частично российские аналоги БПЛА, такие как «Форпост». Это позволяет прогнозировать снижение зависимости России от Израиля в сфере высоких военных технологий и ослабление данного фактора в определении приоритетности израильского вектора внешней политики Москвы.

И, наконец, следует отметить, что Россия на Ближнем Востоке продвигает прагматичную политику, она заинтересована в сохранении сильного Израиля в противовес Ирану для создания баланса сил в регионе³². Иран-

цы укрепили свое влияние в Ираке, а также в Ливане, где «Хезболла» одержала убедительную победу на парламентских выборах, став одним из ключевых игроков в регионе. Кроме того, в отличие от России, которая должна покинуть Сирию после выполнения данных сирийскому народу обещаний, Иран рассматривает Сирию как важнейший геостратегический элемент в борьбе против Израиля и США, и не собирается покидать ее. Данная позиция повышает приоритетность отношения с Израилем во внешней политике Москвы, поскольку Тель-Авив представляется удобным противовесом растущему влиянию Ирана на Ближнем Востоке³³.

Препятствия на пути к стратегическому партнерству России и Ирана

Несмотря на высокий уровень нынешнего взаимодействия между Россией и Ираном, существует целый ряд факторов, ограничивающих становление подлинно стратегического сотрудничества между ними.

Во-первых, между двумя странами остаются ряд нерешенных вопросов, среди которых нужно выделить проблему нерешенности международно-правового статуса Каспийского моря. Сложность ситуации обусловлена наличием в недрах Каспийского моря значительных запасов углеводородов, а также уникальностью его географического положения, в связи с чем на него не распространяются нормы и стандарты Конвенции ООН по морскому праву³⁴. Хотя «пятерка»

³⁰ Российско-израильские отношения. Досье ТАСС, 21.04.2016. Режим доступа: <https://tass.ru/info/3228338>

³¹ Карелин М. Россия и Израиль. Военно-техническое сотрудничество // Журнал «ПАРТНЕР». 2011 г. №1 (160). Режим доступа: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2011/1/173/4690/rossija-i-izrail-voennotekhnicheskoe-sotrudnichestvo> [Karelin, M. Rossija i Izrail'. Voенno-tehnicheskoe sotrudnichestvo (Russia and Israel. Military Technical Cooperation)] // Magazine «Partner», 2011, No 1 (160). Mode of access: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2011/1/173/4690/rossija-i-izrail-voennotekhnicheskoe-sotrudnichestvo>]

³² Неронова А.В. Россия на Ближнем Востоке: современность и перспективы // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т. 14. №12. С. 22-25. [Neronova, A.V. Rossiia na Blizhnem Vostoke: sovremennost' i perspektivy (Russia in the Middle East: Current State and Prospects)] // *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavianskogo universiteta*, 2014, Vol. 14, No. 12, pp. 22-25.]

³³ Coughlin, C. Israel Puts the Complex Russia-Iran Relationship to the Test in Syria // *The Nation*. May 31, 2018. Mode of access: <https://www.thenational.ae/international>

³⁴ Притчин С.А. Позиция России по международно-правовому статусу Каспийского моря и IV каспийский саммит в Астрахани // Вестник Московского университета. Серия ²⁵: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7. №1. С. 44-65. [Pritchkin, S.A. Pozitsiia Rossii po mezhdunarodno-pravovomu statusu Kaspiiskogo moria i IV kaspiiskii sammit v Astrakhani (Position of Russia on the international legal status of the Caspian Sea and the IV Caspian Summit in Astrakhan)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, 2015, Vol.7, No. 1, pp. 44-65.]

государств Каспия в августе 2018 года на саммите в казахстанском Актау подписала Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря, позиции Ирана и России по данному вопросу все еще не полностью совпадают³⁵.

Согласно конвенции 2018 года, площадь водной поверхности Каспия остается в общем пользовании сторон, тогда как дно и недра делятся соседними государствами на участки по договоренности между ними³⁶. Таким образом, хотя странам удалось разрешить вопрос водной поверхности, границы недр и дна моря все еще остаются неопределенными. А. Дубнов, эксперт по Центральной Азии и странам СНГ, считает, что Иран уступил свое требование раздела Каспия на пять равных частей, на чем более 20 лет Тегеран настаивал категорически. На это Тегеран пошел в обмен на неприсутствия американцев в этом регионе. Однако Ирану достался еще один бонус. Согласно конвенции, все еще не разделено дно Каспия, и Иран застолбил за собой право иметь решающее влияние на определение принципа раздела дна. Он будет торговаться за гораздо большую территорию, чем нынешние 13%, которые ему исторически отведены, что может вызвать новые проблемы в окончательном разрешении каспийского вопроса³⁷.

Во-вторых, формирование любой формы стратегического союза с Тегераном может оказать серьезное негативное влияние на отношения России с другими странами Ближневосточного региона, включая Саудовскую Аравию и Израиль.

Приоритетной внешнеполитической задачей Москвы на Ближнем Востоке, как от-

мечают российские специалисты, является укрепление своих позиций в регионе и уменьшение американского присутствия³⁸. Очевидно, что в интересах Москвы всегда оставаться в центре ближневосточных дел, принимать участие в решении региональных проблем. Для этого в своей ближневосточной стратегии Россия придерживается политики «всех азимут», благодаря чему ей удалось построить стабильные отношения с большинством государств региона³⁹. Арабские государства видят в России альтернативу США, занявшим в регионе доминирующую позицию, что повышает потенциал их отношений с Россией.

Будучи одним из ключевых государств мусульманского мира и центром шиитского ислама, Иран считает превращение в регионального лидера на Ближнем Востоке своей исторической миссией. Это вызывает раздражение со стороны суннитских государств региона, в частности Саудовской Аравии и других государств ССАГПЗ, с которыми у России имеются достаточно хорошие отношения⁴⁰. Москва не желает быть втянутой в

³⁸ Сапронова М.А. Российско-арабское сотрудничество до и после «арабской весны» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №3 (36). С. 27-36. [Sapronova, M.A. Rossiisko-arabskoe sotrudnichestvo do i posle «arabskoi vesny» (Russian-Arab Cooperation Before and After the «Arab Spring») // *MGIMO Review of International Relations*, 2014, No. 3 (36), pp. 27-36.]

³⁹ Аветисян Ж.Г. Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное состояние // Общество: философия, история, культура. 2016. №5. С. 79-81. [Avetisian, Zh. G. Vzaimootnosheniia Rossii i arabskogomira: istoriia stanovleniia i sovremennoe sostoianie (Relations between Russia and the Arab World: History of Development and Current State) // *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*, 2016, No. 5, pp. 79-81.]

⁴⁰ Мелкумян Е.С. Ирано-арабская конкуренция в регионе ближнего востока и персидского залива // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. №11 (154). С. 60-69. [Melkumian, E.S. Irano-arabskaia konkurentsiia v regione blizhnego vostoka i persidskogo zaliva (Irano-Arab Concurrence in the Middle East and Persian Gulf) // *Vestnik RGGU. Serii: Politologiya. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, 2015, No. 11 (154), pp. 60-69.]

³⁵ Клепиков С.С. Перспективы развития российско-иранских отношений в контексте современной международной ситуации // ИСОМ. 2017. №1-1. С. 54-58. [Klepikov, S.S. Perspektivy razvitiia rossiisko-iranskikh otnoshenii v kontekste sovremennoi mezhdunarodnoi situatsii (Prospects for the Development of Russian-Iranian Relations in the Context of the Current International Situation) // *ISOM*, 2017, no. 1-1, pp. 54-58.]

³⁶ Лидеры пяти прикаспийских государств подписали конвенцию о правовом статусе Каспия. РИА Новости. 12.08.2018. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/2059200/>

³⁷ Кара-Мурза В. Как поделили Каспий? Радио Свобода, 13.08.2018. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/29430797.html>

противостояние иранского шиитского лагеря и коалиции суннитских государств персидского залива. Также, участие России в субконфессиональных интригах чревато внутренними недовольствами для России, где проживают более 18 млн мусульман, подавляющее большинство из которых являются приверженцами суннитского направления⁴¹.

Кроме того, стратегический союз Москвы с Тегераном могут негативно отразиться на отношениях России с Израилем, у которых наблюдаются тесные экономические и политические связи. Российско-израильские отношения значительно улучшились по сравнению с 1980 годами, когда советское руководство проводило антисемитскую политику. На современном этапе Москва и Тель-Авив сотрудничают во многих сферах – от сферы технологий, и торговли до военно-технической и борьбы с международным терроризмом. Значительное влияние на российско-израильские отношения оказывают русскоязычные диаспоры в обеих странах. В. Путин с Израилем связывают его личные хорошие отношения с израильским премьером Б. Нетаньяху. Последний 9 мая 2018 года вместе с Путиным встречал парад в честь празднования дня победы в Москве, в то время как за день до этого израильские ВВС нанесли более 100 авиаударов по иранским позициям в Сирии⁴². Тогда российское руководство заявило, что Москва не будет вмешиваться в израильские воздушные удары, хотя технически они наносились по району, который Россия должна была защищать от имени режима Асада, и где ею развернута система ПВО⁴³. Ряд исследователей придерживаются мнения, что такое поведение России связано с растущим влиянием Ирана на Ближнем Востоке и, в

частности, в Сирии, где Россия имеет военную базу, сохранение которого для Москвы является предметом первостепенной важности. В Москве обеспокоены растущим влиянием Ирана в Сирии, что создает препятствие для закрепления России на Ближнем Востоке⁴⁴. Примечательно, что такого мнения придерживаются и некоторые иранские исследователи, утверждающие, что Россия видит в Иране потенциального соперника за влияние в регионе⁴⁵.

Иран является врагом номер один для Израиля – обстоятельство, ставящее Россию в крайне неудобное положение. Именно тесные связи России с Израилем всегда внушали недоверие иранцам по поводу надёжности России. Есть основание предполагать, что срыв контрактов, связанных с поставкой в Иран российских военных комплексов С-300 в период президентства Д. Медведева было также связано с нежеланием ставить под угрозу безопасность Израиля.

В-третьих, у Москвы есть опасения по поводу иранского влияния в Центральной Азии, которую Россия считает важнейшим для своих стратегических интересов регионом. Ряд иранских специалистов пишет, что противоречия Москвы и Тегерана в кавказском регионе и в Центральной Азии хотя и находятся в латентной форме, однако имеют свойства мины замедленного действия⁴⁶. Цен-

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Хадиян Н., Заргари М. Россия и ядерная проблема Ирана: подходы к переговорам и роль в достижении соглашения // *Муталеот-е Уросиё-е Маркази*. 2018. №1. С.247-263. (на персидском языке). [Khadiian, N.; Zargari, M. Rossiia i iadernaia problema Irana: podkhody k peregovoram i rol' v dostizhenie soglasheniia (Russia and the Iranian nuclear issue: approaches to negotiations and a role in reaching agreement) // *Mutoleot-e Urosie-e Markazi*, 2018, No. 1, pp.247-263. (In Persian)]

⁴⁶ Пурахмади Х., Аббасихушкар А. Основы внешнеполитического поведения России в отношении ядерного вопроса Ирана // *Пажухешнама-е улум-е сияси*. 2012. №1. С. 39-77. (на персидском языке). [Purakhmadi, Kh.; Abbasikhushkar, A. Osnovy vneshnepoliticheskogo povedeniia Rossii v otnoshenii iadernogo voprosa Irana (Russia's Foreign Policy Conduct Regarding Iran's Nuclear Issue) // *Pazhukheshnama-e ulum-e siiasi*, 2012, No. 1, pp. 39-77. (In Persian)]

⁴¹ Levaggi, A.G. After the U.S. Hegemonic Retreat: Russia's Foreign and Security Policy in the Middle East // *Brazilian Journal of International Relations*, 2018, Vol. 7, No.3, pp. 646-666.

⁴² Blank, S. Russia and Israel: Friends with benefits // *The Hill*, 17.05.18. Mode of access: <http://thehill.com/opinion/international/388217-russia-and-israel-friends-with-benefits>

⁴³ Coughlin, C. Israel Puts the Complex Russia-Iran Relationship to the Test in Syria // *The Nation*, 31.05.18. Mode of access: <https://www.thenational.ae/international>

тральная Азия в силу своего ресурсного потенциала и специфического географического расположения продолжает представлять интерес для ряда ведущих и региональных государств, заинтересованных в получении альтернативных источников сырья, новых рынков сбыта и ограничении геополитических возможностей России⁴⁷. Москва рассматривает этот регион, с которым имеет протяженные общие границы, и где проживает значительное число русскоязычного населения, как зону своих исключительных интересов. В связи с этим, Россия чувствительно реагирует на любые контакты государств региона с внешним миром, включая Иран.

После распада Советского Союза и образования независимых государств в Центральной Азии впервые за долгое время у Ирана появилась возможность налаживания непосредственного диалога с государствами региона и проецирования на них своего «мягкосилового» влияния. В истории взаимоотношений Ирана с государствами Центральной Азии не было серьезных противоречий на основе суб-религиозных различий. Несмотря на их принадлежность к суннитскому толку ислама, народы Центральной Азии на протяжении столетий мирно сосуществовали с Ираном. Кроме того, народов данного региона (прежде всего, таджиков) с Ираном объединяет этнокультурная общность и принадлежность к исламскому миру. Кроме цивилизационной привлекательности, для народов Центральной Азии Иран представляет интерес как пример просвещенного исламского государства с элементами современной демократии⁴⁸.

⁴⁷ Грозин А.В. Центральная Азия и перспективы конфликта США с Ираном // *Постсоветский материк*. 2018. №1 (1). С. 102-111. [Grozin, A.V. Tsentral'naia Aziia i perspektivy konflikta SShA s Iranom (Central Asia and the Outlook for the US Conflict with Iran) // *Postsovetskii materik*, 2018, No. 1 (1), pp. 102-111.]

⁴⁸ Бахриев Б.Х., Джаббари Насир Х. Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран // *Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. С. 194-216. [Bakhriev, B.Kh.; Dzhabbari Nasir, Kh. Publichnaia diplomatia vo vneshnei politike Islamskoi Respubliki Iran / Publichnaia diplomatia: Teoriia i praktika (Public Diplomacy in*

Наконец, Иран представляет собой альтернативный транзитный путь поставки энергетического сырья из государств Центральной Азии в Европу и другие нефтяные рынки. По мнению ряда исследователей, выстраиванием новых транспортных путей вывоза энергетических ресурсов Центральной Азии изначально представлял большой интерес и для самого Ирана⁴⁹. Именно данный фактор может стать предметом серьезного беспокойства Москвы. На сегодняшний день все государства региона в основном пользуются советской инфраструктурой, проложенной через территорию России. Данное обстоятельство делает государства региона сильно зависимыми от Москвы.

Для России вопрос новых газопроводов очень чувствительный. В случае прокладки новых транзитных маршрутов поставки энергоресурсов из стран Центральной Азии (прежде всего прикаспийских стран) в обход России через Иран может значительно измениться геополитическая расстановка сил. Москва потеряет один из ключевых рычагов давления как на страны региона, так и на ЕС. Существенны и экономические потери для России от появления новых трубо-

the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran / in: *Public Diplomacy: Theory and Practice*) / ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: Aspekt Press, 2017. pp. 194-216.]; *См. также:* Джаббари Насир Х. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Социология. Политология*. 2019. №1. С. 106-112. [Dzhabbari Nasir, Kh. Osobennosti formirovaniia tsentral'noaziatskogo napravleniia publichnoi diplomatii Irana (The Features of the Evolution of Iran's Public Diplomacy in Central Asia) // *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii. Sotsiologiia. Politologiia*, 2019, No. 1, pp. 106-112.]

⁴⁹ Сулейманов А.В. Геополитическая борьба России, Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2013. №4. С. 5-12. [Suleimanov, A.V. Geopoliticheskaia bor'ba Rossii, Turtsii i Irana v Tsentral'noi Azii i Zakavkaz'e (The Geopolitical Struggle of Russia, Turkey and Iran in Central Asia and the South Caucasus) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2013, No. 4, pp. 5-12.]

проводов. Европейский Союз долгое время стремился осуществить проект газопровода «Набукко», который, минуя Россию, должен был задействовать новые источники газа в Азербайджане, Казахстане, Туркмении, Ираке, Иране или Египте⁵⁰. Наткнувшись на сильное сопротивление со стороны России, проект остался нереализованным.

Иран, в свою очередь явно демонстрирует желание укрепить отношения со странами Центральной Азии, распространить свое влияние в регионе. Туркменистан глубоко заинтересован в открытии дополнительных возможностей транспортировки добываемого сырья на богатый и перспективный рынок Персидского залива. Не остается в стороне от данной перспективы и Казахстан. Оба государства на сегодняшний день объединяет стремление к созданию взаимных благоприятных условий для осуществления макропроектов в нефтегазовой отрасли, среди которых проект строительства трубопровода Казахстан – Туркменистан – Иран. К ним может подключиться и Узбекистан, который, в последние годы все больше «открывается» внешнему миру, сохраняя во внешней политике принцип многовекторности.

В-четвертых, сближение России с Ираном оказывает негативное влияние на отношения России со странами евроатлантического альянса, прежде всего с США. Российско-иранский альянс мешает стремлениям Запад сделать Иран более сговорчивым. Ядерная проблематика вокруг Ирана серьезно заботит государства ЕС и США, однако выход США из «ядерной сделки» ставит под угрозу режим Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и Россия в данной ситуации выступает силой, препятствующей «окончательному решению» вопроса иранской ядерной программы. Несмотря на поддержку анти-иранских резолюций СБ ООН, Россия старается «не допустить появления в текстах формулировок, которые бы вели к применению против Ирана «удушающих» или «парализующих» мер воздействия»⁵¹. Ряд исследователей, в том

числе иранских, убеждены, что российско-американские отношения во многом зависят от российско-иранских отношений и наоборот⁵². По крайней мере, у Москвы есть возможность играть на растущей озабоченности США из-за Тегерана, чтобы выбить из американцев уступки в других областях – таких, как санкции, украинский кризис и контроль над вооружениями.

Во многом приведенное выше утверждение справедливо и для российско-европейских отношений. С Ираном Россию тесно связывают лишь общие интересы в Сирии, а экономические связи по масштабам значительно уступают российско-европейским. Если Москва стремится смягчить накал страстей в отношениях с Западом, то тесное отношение с Тегераном не всегда играет в пользу России. Российско-иранские отношения могут развиваться динамично до тех пор, пока это не будет препятствовать налаживанию отношений России с Западом. Исходя из этого, становление стратегического партнёрства между Москвой и Тегераном маловероятно⁵³.

На основе анализа совокупности всех приведенных факторов можно сделать вывод, что сближение в отношениях между Москвой и Тегераном во многом носит конъюнктурный / ситуативный характер. По мере продвижения урегулирования сирийского кризиса между сторонами могут возникать новые узлы противоречия.

чати МИД России в связи с принятием 9 июня Советом Безопасности ООН резолюции по Ирану. Сайт Министерства иностранных дел РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/kommentarii/-/asset_publisher/2MrVt3CzL5sw/content/id/246542

⁵² Руми Ф. Соединенные Штаты Америки и их влияние на отношения Ирана и России // Политика и общество. 2015. №11 (131). С. 1504-1510. См. также: Усули Г., Расули Р. Отношения Ирана и России: возможности, вызовы и пути развития сотрудничества // Сиясат-е харичи. 2012. №1. С.71-98. (на персидском языке). [Rumi, F. Soedinennye Shtaty Ameriki i ikh vliianie na otnosheniia Irana i Rossii (The United States of America and its Influence on Relations between Iran and Russia) // *Politika i obshchestvo*, 2015, No. 11 (131), pp. 1504-1510.]

⁵³ Asisian, N. Russia & Iran: Strategic Alliance or Marriage of Convenience // *Small War Journal*, 2013. Pp. 5-32.

⁵⁰ Геральд Хосп. «Набукко» потерпел крах // Иносми. 28.06.2013. Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20130628/210481118.html>

⁵¹ Комментарий Департамента информации и пе-

Сложности в отношениях между Россией и Израилем

Как было отмечено, Россия и Израиль активно сотрудничают по целому ряду вопросов, как экономических, так и культурных и политических. Однако между сторонами есть ряд вопросов, препятствующих возникновению между ними стратегического союза.

Во-первых, Израиль является стратегическим союзником США, плацдармом американского присутствия и влияния в регионе. Между Тель-Авивом и Вашингтоном существует колоссальный объем взаимных интересов и сотрудничества в экономической, политической, военно-стратегической сферах, а также в решении международных и региональных проблем. Исторически США играли ключевую роль в обеспечении безопасности Израиля, а затем его военно-политического превосходства на Ближнем Востоке⁵⁴. Хотя между Россией и Израилем существуют достаточно тесные взаимоотношения, Израиль всегда будет каналом укрепления американского присутствия на Ближнем Востоке.

Следующим препятствием на пути российско-израильского стратегического партнерства является отношение России с Ираном и такими организациями, как Хезболла и ХАМАС. Между Москвой и Тегераном существует динамичное сотрудничество в военно-технической сфере и в сфере безопасности. Иран является одним из основных импортеров российских вооружений (ЗРК С-300,

МиГ 29)⁵⁵. Израиль сильно беспокоит продажа Ирану российских военных и ядерных технологий. Тель-Авив не раз выражал протест по поводу поставки в Иран российских ЗРК С-300. Израиль опасается достижений Ирана в сфере разработки ядерных вооружений.

Что касается группировок Хезболла и ХАМАС, Израиль считает их террористическими организациями, представляющими ключевую угрозу своей национальной безопасности, тогда как Россия не считает их таковыми⁵⁶. Более того, Россия официально поддерживает деловые связи с организацией ХАМАС. Москву не раз посещал глава Политбюро ХАМАС Халед Машаль, что вызывает крайне негативную реакцию у Израиля. Кроме того, Израиль крайне обеспокоен попаданием российского вооружения в руки бойцов Хезболла, которые принимают активное участие в сирийском кризисе на стороне Асада⁵⁷. В израильском руководстве убеждены, что в ходе сирийского кризиса Хезболла значительно усилили свои позиции и наступательные возможности за счет совместных действий с российскими военными⁵⁸.

В-третьих, Израиль не устраивает тесные отношения России с Палестинской

⁵⁴ Дегтерев Д.А., Стёпкин Е.А. Американская помощь Израилю: истоки, структура, динамика // Вестник МГИМО Университета. 2013. №3 (30). С. 92-99. [Degterev, D.A.; Stepkin, E.A. Amerikanskaia pomoshch' Izrailiu: istoki, struktura, dinamika (American Assistance to Israel: Origins, Structure, Dynamics) // Vestnik MGIMO Universiteta, 2013, No. 3 (30), pp. 92-99.]; См. также: Дегтерев Д.А., Стёпкин Е.А. Динамическое равновесие (роль США в обеспечении военного превосходства Израиля на Ближнем Востоке) // Азия и Африка сегодня. 2013. №10 (675). С. 19-25. [Degterev, D.A.; Stepkin, E.A. Dinamicheskoe равновесие (rol' SShA v obespechenii voennogo prevoskhodstva Izrailia na Blizhnem Vostoke) (Dynamic Balance. The U.S. Role in Ensuring Israel's Military Superiority In The Middle East) // Aziia i Afrika segodnia, 2013, No. 10 (675), pp. 19-25.]

⁵⁵ Коидзуми Ю. Завоевывая иранский рынок: Россия активизировала экспорт вооружений // «ИноСМИ», 16.03.2016. Режим доступа: <https://inosmi.ru/military/20160302/235600847.html> [Koidzumi, Ju. Zavoeyvaya iranskij rynek: Rossiya aktivizirovala jeksport vooruzhenij (Conquering the Iranian Market: Russia Has Stepped up Arms Exports)] // InoSMI, March 16, 2016. Mode of access: <https://inosmi.ru/military/20160302/235600847.html>

⁵⁶ РФ не причисляет «Хезболлу» и ХАМАС к террористическим организациям. «Интерфакс», 15.11.15. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/479405>

⁵⁷ Васецова Е.С. Россия и Израиль в сирийском кризисе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. №2. С. 7-14. [Vasetsova, E.S. Rossiia i Izrail' v siriiskom krizise (Russia and Israel in the Syrian Crisis) // Vestnik Rossiiskogo universiteta družhby narodov. Serii: Politologija, 2016, No. 2, pp. 7-14.]

⁵⁸ Хезболла учится у российской армии, как воевать с Израилем. «Иносми». 18.01.2016. Режим доступа: <https://inosmi.ru/military/20160118/235089745.html>

Национальной Администрации. Между Россией и ПНА заключен целый ряд двусторонних межправительственных и межведомственных соглашений, включающие сотрудничество в сферах культуры, туризма, торговли, экономики, безопасности и др. Москва на постоянной основе оказывает ПНА финансово-экономическую и гуманитарную помощь. С 2006 по 2013 г. Россией было выделено около 40 млн. долл. США на покрытие бюджетных расходов ПНА⁵⁹. Также, для обучения палестинских студентов в российских вузах ежегодно выделяется 150 бюджетных мест⁶⁰. С августа 1995 г. на территории Палестинской национальной администрации (ПНА) (сначала в Газе, потом в Рамале) функционирует Представительство Российской Федерации.

Кроме того, интересам Израиля противоречит позиция России по ближневосточному урегулированию, которая основывается на резолюции СБ ООН 242, 338, 1397, 1515, Арабскую мирную инициативу от 2002 года и дорожную карту от 2003 года (предложена Ближневосточным квартетом). Россия выступает за предусмотренное этими документами «создание независимого палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме, сосуществующего в мире и безопасности с Израилем в границах 1967 года»⁶¹. Москва поддержала резолюцию Генассамблеи ООН от 29 ноября 2012 г., согласно которой Пале-

стине был предоставлен статус «государствонаблюдателя при ООН, не являющегося ее членом». Это вызывает недовольство со стороны израильского руководства. Оно считает, что образование палестинского государства возможно в случае обеспечения полной безопасности Израиля, а возвращение к границам 1967 года и вовсе не возможно⁶².

В-четвертых, в отношениях между Москвой и Тель-Авивом могут возникнуть сложности в связи со интенсивным взаимодействием между Израилем и Организацией Североатлантического Договора. На сегодня Израиль обладает одной из самых широких контактов и связей с НАТО. С альянсом подписана Индивидуальная программа партнерства, предусматривающая стратегический диалог в таких сферах, как борьба с терроризмом, обмен разведывательными данными, нераспространение ядерного оружия и кризисное регулирование⁶³. Среди аналитиков в США не раз поднимался вопрос о присоединении Израиля к НАТО. Учитывая угрозы национальной безопасности Израиля, исходящие от Ирана и его союзников (Хезболла, ХАМАС) и от региона в целом, особый интерес Тель-Авива к НАТО является очевидным. Например, в случае вступления Израиля в НАТО потенциальная угроза со стороны Ирана равнялась бы нулю. Израиль остается ключевым партнером НАТО на Ближнем Востоке. Близкие отношения Израиля с НАТО вызывают недоверие со стороны Москвы, которая заинтересована в максимальном устранении влияния НАТО как в близи своих границ, так и на Ближнем Востоке⁶⁴.

⁵⁹ Медведев: Россия с 2006 по 2013 год направила Палестине \$40 миллионов // Рамблер, 11.11.16. Режим доступа: https://finance.rambler.ru/economics/35242916/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

⁶⁰ Воронцова Е.А., Матевосян А.В., Курныкин О.Ю. Проблема провозглашения палестинского государства и позиция России // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2017. №14. С. 69-71. [Vorontsova, E.A.; Matevosian, A.V.; Kurnykin, O.Yu. Problema provozglasheniia palestinskogo gosudarstva i pozitsiia Rossii (The Problem of the Proclamation of a Palestinian State and the Position of Russia) // *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, No. 14, pp. 69-71.]

⁶¹ Российско-израильские отношения. Досье. «ТАСС». 29 января 2018 г. Режим доступа: <https://tass.ru/info/4911115>

⁶² История прямых переговоров между Израилем и Палестиной. Досье «РИА Новости», 30.07.2013. Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20130730/953115533.html>

⁶³ Усули Г., Расули Р. Отношения Ирана и России: возможности, вызовы и пути развития сотрудничества // *Сиясат-е харичи*. 2012. №1. С. 71-98. (на персидском языке). [Usuli, G.; Rasuli, R. Otnosheniia Irana i Rossii: vozmozhnosti, vyzovy i puti razvitiia sotrudnichestva (Relations of Iran and Russia: Opportunities, Challenges and Ways to Develop Cooperation) // *Siasat-e khariji*, 2012, No.1, pp. 71-98. (In Persian)]

⁶⁴ Ибрагимов В.Г. Противостояние России и НАТО в регионе Ближнего Востока // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. №10. С. 147-159.

Таким образом, отношения между Россией и Израилем на сегодняшний день достигли уровня ключевых партнеров. Между странами существует высокий уровень доверия и тесные связи на уровне политических фигур. Хотя вышеприведенные проблемы в двусторонних отношениях не носят острого характера, они создают сложности и препятствия на пути к возникновению между ними полноценного стратегического партнерства.

* * *

Возвращение России на Ближний Восток актуализирует вопрос о взаимоотношениях Москвы с Ираном и Израилем. Проблема не только в том, что позиции названных государств влияет на достижение внешнеполитических целей Москвы в регионе, но и в сложности отношения между Тегераном и Тель-Авивом. Учитывая их значимость для внешней политики РФ на текущем этапе, Москве приходится не просто в выстраивании рабочих конструктивных связей с ними.

Теоретические школы международных отношений представляют значительный набор концептуальных подходов к осмыслению внешней политики. Однако, универсальной теории, объясняющей феномен внешней политики, во всем его многообразии, не существует. В фокусе внимания приверженцев разных теоретических направлений, как правило, оказываются отдельные аспекты внешнеполитической деятельности, что не позволяет учитывать все факторы, влияющие на формирование внешней политики того или иного государства.

В рамках настоящей статьи автор опирался на системный подход к анализу внешней политики. Такой подход позволил найти взаимосвязь между эндо – экзогенными факторами, выявить их влияние на осуществление государством конкретного внешнеполитического курса и определить место в нем того или иного государства на конкретном этапе международных отношений.

[Ibragimov, V.G. Protivostoianie Rossii i NATO v regione Blizhnego Vostoka (The Confrontation of Russia and NATO in the Middle East Region) // *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniia*, 2016, No. 10, pp. 147-159.]

Определяя относительно устойчивые детерминанты, влияющие на формирование иранского вектора внешней политики России на текущем этапе, автор выдвигает на первый план геополитическое положение Ирана, выраженный антиамериканизм иранской внешней политики и экономические интересы России. Первый фактор, позволяющий Ирану оказывать влияние на различные политико-экономические процессы от Кавказа до Ближнего Востока, делает Тегеран одним из ключевых игроков в данных регионах, повышая его значимость для внешней политики России. Антиамериканизм внешней политики Ирана не ставит его в один идеологический тренд с Россией, однако такая сущность иранской политики во многом совпадает с российским интересом относительно снижения влияния США как в регионе, так и в мире. Третий, экономический фактор, хотя и не является ключевым детерминантом значимости иранского направления внешней политики РФ, тем не менее санкционированные войны против обоих государств может поспособствовать их сближению. Россия рассматривает Иран потенциальным перспективным рынком сбыта своих товаров тяжелой промышленности.

Факторы, определяющие место Израиля во внешней политике России относительно вариативны с историко-геополитической точки зрения. Именно здесь автором выявлены некоторая корреляция внутри-внешнеполитических элементов. Проведенный анализ показал, что наиболее значительными определителями места Израиля в российской внешней политике являются возможности и влияния на политику Тель-Авива и Москвы русскоязычной еврейской диаспоры, «геополитическое взаимопонимание» между сторонами, несмотря на союзнический характер отношения между Израилем и США. Также, для России сохраняется актуальность военно-технического сотрудничества с Израилем, особенно в сфере высоких технологий, хотя значимость данного фактора в последние годы снижается. Еще одним детерминантом значимости израильского вектора внешней политики Москвы является потенциал Тель-Авива как сдерживающего фактора в отношении растущего иранского влияния в регионе.

Анализ места Ирана и Израиля во внешней политике России показал, что многие факторы, повышающие значимость данных стран для России, в определенной степени являются еще и ограничителями этой значимости, являясь препятствием на пути становления стратегического партнерства между ними. Например, сдерживающие возможности Ирана и Израиля в отношении друг друга одновременно повышают их значимость во внешней политике России и ограничивают становления между отдельными частями данного треугольника характера взаимодействия, который мог бы называться стратегическим.

В отношениях России с Ираном, несмотря на нынешний небывало высокий уровень, существует целый пласт противоречий, одним из которых является проблема нерешенности международно-правового статуса Каспийского моря. Данный вопрос, конечно, не представляется ключевым вызовом для российско-иранских отношений, поскольку он является общей проблемой сразу 5 прикаспийских государств. Более фундаментальным препятствием для становления долгосрочных отношений между Ираном и Россией представляется геополитическая специфика Ближневосточного региона. Москва стремится к выстраиванию хороших отношений со всеми странами данного пространства, многие из которых находятся в перманентной геополитической борьбе друг с другом. Такой внешнеполитический подход России априори ограничивает возможности становления стратегического характера российско-иранских отношений. И, конечно, следует признать, что чрезмерное усиление иранского влияния на Ближнем Востоке и других сопредельных регионах не может считаться приемлемым для России. Такой сценарий для Москвы имеет не только непредсказуемые политические последствия, но риски в геэкономической (прежде всего – энергетической) сфере.

Значительные сложности были выявлены и в отношениях между Россией и Израилем, что не позволяют им, несмотря на упомянутое выше «геополитическое взаимопонимание», достичь уровня стратегических партнеров. Самым очевидным негативным

фактором в данном контексте выступают стратегические отношения Израиля с США и высокий уровень кооперации с НАТО. Значительным образом лимитируют сотрудничество между сторонами отношения России с Ираном и позиция Москвы в отношении поддерживаемых Тегераном военно-политических группировок в регионе, а также активное взаимодействие с Палестинской Национальной Администрацией.

Таким образом, опираясь на проведенный анализ комплекса факторов, детерминирующих внешнеполитические приоритеты России в отношении Ирана и Израиля, можно заключить, что между этими государствами и Россией в среднесрочной перспективе формирование стратегического характера взаимоотношений не представляется возможным. Конечно, стороны могут сотрудничать, исходя из сложившейся международной конъюнктуры, по отдельным вопросам региональной или глобальной повестки, однако такие «взлеты» скорее будут иметь тактический характер, а не исходят из необходимости налаживания отношений стратегического характера.

Литература:

- Аветисян Ж.Г.* Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное состояние // Общество: философия, история, культура. 2016. №5. С. 79-81.
- Бармин Ю.Н.* Россия и Израиль: ближневосточное измерение отношений: рабочая тетрадь №42/2018 / [Ю.Н. Бармин]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2018. 24 с.
- Барнашов О.В., Мироу Ж., Халаф С.С.* Факторы конкуренции между США и Россией на Ближнем Востоке // Современная конкуренция. 2014. №1 (43). С. 87-100.
- Бахриев Б.Х., Джаббари Насир Х.* Публичная дипломатия во внешней политике Исламской Республики Иран // Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. С. 194-216.
- Бочаров Ю.Б.* Концептуальный анализ современной фазы развития взаимоотношений между Россией и Израилем // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. №1. С. 26-31.
- Васецова Е.С.* Россия и Израиль в сирийском кризисе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2016. №2. С. 7-14.
- Воронцова Е.А., Матеевски А.В., Курныкин О.Ю.* Проблема провозглашения палестинского государства и позиция России // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2017. №14. С. 69-71.
- Грозин А.В.* Центральная Азия и перспективы конфликта США с Ираном // Постсоветский материк. 2018. №1 (1). С. 102-111.

Дегтерев Д.А., Стёпкин Е.А. Американская помощь Израилю: истоки, структура, динамика // Вестник МГИМО Университета. 2013. №3 (30). С. 92-99.

Дегтерев Д.А., Стёпкин Е.А. Динамическое равновесие (роль США в обеспечении военного превосходства Израилем на Ближнем Востоке) // Азия и Африка сегодня. 2013. №10 (675). С. 19-25.

Джаббару Насир Х. Особенности формирования центральноазиатского направления публичной дипломатии Ирана // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Социология. Политология. 2019. №1. С. 106-112.

Драганов А.А., Самохина Г.В. Специфика российско-иранских отношений в контексте современной геополитической ситуации в мире // Общество: политика, экономика, право. 2016. №3. С. 43-45.

Ибрагимов В.Г. Противостояние России и НАТО в регионе Ближнего Востока // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. №10. С. 147-159.

Клетиков С.С. Перспективы развития российско-иранских отношений в контексте современной международной ситуации // ИСОМ. 2017. №1-1. С. 54-58.

Кожеуров С., Эшттейн А.Д. Россия и Израиль: Изменяющиеся векторы двусторонних отношений // Институт Ближнего Востока, 10.10.2010. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=11660>.

Лебедева М.М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? // Внешняя политика: вопросы теории и практики / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: МГУ, 2009. С. 32-42.

Мелкумян Е.С. Ирано-арабская конкуренция в регионе ближнего востока и персидского залива // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. №11 (154). С. 60-69.

Моргентау Г. Международная политика / Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т.2. С. 501-507.

Геронова А.В. Россия на Ближнем Востоке: современность и перспективы // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2014. Т. 14. №12. С. 22-25.

Паламаренко Е.В. Настоящее и будущее российско-израильского сотрудничества // Научные записки молодых исследователей. 2017. №6. С. 46-55.

Притчин С.А. Позиция России по международно-правовому статусу Каспийского моря и IV каспийский саммит в Астрахани // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7. №1. С. 44-65.

Пурахмади Х., Аббасихушкар А. Основы внешнеполитического поведения России в отношении ядерного вопроса Ирана // Пахуехнама-е улум-е сияси. 2012. №1. С. 39-77. (на персидском языке).

Руми Ф. Соединенные Штаты Америки и их влияние на отношения Ирана и России // Политика и общество. 2015. №11 (131). С. 1504-1510.

Сапронова М.А. Российско-арабское сотрудничество до и после «арабской весны» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №3 (36). С. 27-36.

Семенова Т.А. Столкновение интересов России и США Ближнем Востоке // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. №1. С. 84-88.

Современные российско-иранские отношения: вызовы и возможности: рабочая тетр. / [Белобров Ю.Я. и др.; гл. ред. И.С. Иванов]; [Российский совет по междунар. делам]. М.: Спецкнига, 2014.

Сулейманов А.В. Геополитическая борьба России, Турции и Ирана в Центральной Азии и Закавказье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2013. №4. С. 5-12.

Усули Г., Расули Р. Отношения Ирана и России: возможности, вызовы и пути развития сотрудничества // Сиясат-е харичи. 2012. №1. С.71-98. (на персидском языке).

Хадиян Н., Заргари М. Россия и ядерная проблема Ирана: подходы к переговорам и роль в достижении соглашения // Мутолеот-е Уросиё-е Маркази. 2018. №1. С.247-263. (на персидском языке).

Чернин В. «Русские» депутаты Кнессета 20-го созыва // Институт Ближнего Востока, 23.08.2015. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=25686>

Asisian, N. Russia & Iran: Strategic Alliance or Marriage of Convenience // *Small War Journal*, 2013. Pp. 5-32.

Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Eds by R. Beasley et al. Wash. (D.C.): CQ Press, 2001.

Keohane, R.; Nye, J. Power and Interdependence. World Politics in Transition, Boston: Little Brown, 1977.

Levaggi, A.G. After the U.S. Hegemonic Retreat: Russia's Foreign and Security Policy in the Middle East // *Brazilian Journal of International Relations*, 2018, Vol. 7, No.3, pp. 646-666.

Moshkova, T.D. Russian-Israeli Relations: the Role of the Russian-speaking Community of the State of Israel // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. №2. С. 387-399.

References:

Asisian, N. Russia & Iran: Strategic Alliance or Marriage of Convenience // *Small War Journal*, 2013. Pp. 5-32.

Avetisian, Zh. G. Vzaimootnosheniia Rossii i arabskogo mira: istoriia stanovleniia i sovremennoe sostoianie (Relations between Russia and the Arab World: History of Development and Current State) // *Obshchestvo: filosofia, istoriia, kul'tura*, 2016, No. 5, pp. 79-81.

Bakhriev, B.Kh.; Dzhabbari Nasir, Kh. Publichnaia diplomatiia vo vneshnei politike Islamskoi Respubliki Iran / Publichnaia diplomatiia: Teoriia i praktika (Public Diplomacy in the Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran / in: Public Diplomacy: Theory and Practice) / ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: Aspekt Press, 2017. pp. 194-216.

Barmin, Iu. N. Rossiia i Izrail': blizhnvostochnoe izmerenie otnoshenii: rabochaia tetrad' (Russia and Israel: the Middle East Dimension of Relations: Working Paper). №42/2018 / [Iu.N. Barmin]; [chief ed. I.S. Ivanov]; Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council. Moscow: RSMD, 2018. 24 p.

Barnashov, O.V.; Mirou, Zh.; Khalaf S.S. Faktory konkurentsii mezhdu SShA i Rossiei na Blizhnem Vostoke (The Factors of Competition between the USA and Russia in the Middle East) // *Sovremennaia konkurentsiia*, 2014, No. 1 (43), pp. 87-100.

Bocharov, Iu.B. Kontseptual'nyi analiz sovremennoi fazy razvitiia vzaimootnoshenii mezhdu Rossiei i Izrailem (Conceptual Analysis of the Current Phase Development of Relations between Russia and Israel) // *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2013, No. 1, pp. 26-31.

Chernin, V. «Russkie» deputaty Knesseta 20-go sozyva («Russian» MPs of the 20th Knesset) // The Institute of Middle East, August 23, 2015. Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=25686>

Degterev, D.A.; Stepkin, E.A. Amerikanskaia pomoshch' Izrailiu: istoki, struktura, dinamika (American Assistance to Israel: Origins, Structure, Dynamics) // *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2013, No. 3 (30), pp. 92-99.

Degterev, D.A.; Stepkin, E.A. Dinamicheskoe ravnovesie (rol' SShA v obespechenii voennogo prevoskhodstva Izrailia na Blizhnem Vostoke) (Dynamic Balance. The U.S. Role in Ensuring Israel's Military Superiority In The Middle East) // *Aziia i Afrika segodnia*, 2013, No. 10 (675), pp. 19-25.

Draganov, A.A.; Samokhina, G.V. Spetsifika rossiisko-iranskikh otnoshenii v kontekste sovremennoi geopoliticheskoi situatsii v mire (The Specifics of the Russian-Iranian Relations in the Context of the Current Geopolitical Situation in the World) // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2016, No. 3, pp. 43-45.

Dzhabbari Nasir, Kh. Osobennosti formirovaniia tsentral'noaziatskogo napravleniia publichnoi diplomatii Irana (The Features of the Evolution of Iran's Public Diplomacy in Central Asia) // *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaya seriia. Serii. Sotsiologiya. Politologiya*, 2019, No. 1, pp. 106-112.

Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Eds by R. Beasley et al. Wash. (D.C.): CQ Press, 2001.

Grozin, A.V. Tsentral'naia Aziia i perspektivy konflikta SShA s Iranom (Central Asia and the Outlook for the US Conflict with Iran) // *Postsovetskii materik*, 2018, No. 1 (1), pp. 102-111.

Ibragimov, V.G. Protivostoianie Rossii i NATO v regione Blizhnego Vostoka (The Confrontation of Russia and NATO in the Middle East Region) // *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniia*, 2016, No. 10, pp. 147-159.

Keohane, R.; Nye, J. Power and Interdependence. World Politics in Transition, Boston: Little Brown, 1977.

Khadiian, N.; Zargari, M. Rossiia i iadernaia problema Irana: podkhody k peregovorom i rol' v dostizhenie soglasheniia (Russia and the Iranian nuclear issue: approaches to negotiations and a role in reaching agreement) // *Mutoleot-e Urosie-e Markazi*, 2018, No. 1, pp.247-263. (In Persian)

Kir'janov, O. Iranu dali novyj srok. Sovbez OON vvodit protiv Tegerana dopolnitel'nye sankcii (Iran is given a new term. UN Security Council imposes additional sanctions on Tehran) // «Rossijskaja gazeta». Federal'nyj issue №5204 (125). June 10, 2010.

Klepikov, S.S. Perspektivy razvitiia rossiisko-iranskikh otnoshenii v kontekste sovremennoi mezhdunarodnoi situatsii (Prospects for the Development of Russian-Iranian Relations in the Context of the Current International Situation) // *ISOM*, 2017, no. 1-1, pp. 54-58.

Kozheurov, S., Epshtein, A.D. Rossiia i Izrail': Izmeniaushchiesia vektory dvustoronnikh otnoshenii (Russia and Israel: Changing Vectors of Bilateral Relations). Institut Blizhnego Vostoka, 10.10.2010. Mode of access: <http://www.iimes.ru/?p=11660>

Lebedeva, M.M. Vneshniaia politika: ischeznoenie ili perezagruzka? (Foreign Policy: Disappearing or Resetting?) / in: Vneshniaia politika: voprosy teorii i praktiki, ed. by P.A. Tsygankov. Moscow: MGU, 2009. Pp. 32-42.

Levaggi, A.G. After the U.S. Hegemonic Retreat: Russia's Foreign and Security Policy in the Middle East // *Brazilian Journal of International Relations*, 2018, Vol. 7, No.3, pp. 646-666.

Melkumian, E.S. Irano-arabskaia konkurentsia v regione blizhnego vostoka i persidskogo zaliva (Irano-Arab Concurrence in the Middle East and Persian Gulf) // *Vestnik RGGU. Serii: Politologiya. Istorii. Mezhdunarodnye otnosheniia. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, 2015, No. 11 (154)m pp. 60-69.

Moshkova, T.D. Russian-Israeli Relations: the Role of the Russian-speaking Community of the State of Israel // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2018, Vol. 18, No. 2, pp. 387-399.

Neronova, A.V. Rossiia na Blizhnem Vostoke: sovremennost' i perspektivy (Russia in the Middle East: Current State and Prospects) // *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavianskogo universiteta*, 2014, Vol. 14, No. 12, pp. 22-25.

Palamarenko, E.V. Nastoiashchee i budushchee rossiisko-izrail'skogo sotrudnichestva (The Present and Future of Russian-Israeli Cooperation) // *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei*, 2017, No. 6, pp. 46-55.

Pritchkin, S.A. Pozitsiia Rossii po mezhdunarodno-pravovomu statusu Kaspiiskogo moria i IV kaspiiskii sammit v Astrakhani (Position of Russia on the international legal status of the Caspian Sea and the IV Caspian Summit in Astrakhan) // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika*, 2015, Vol.7, No. 1, pp. 44-65.

Purakhmadi, Kh.; Abbasikhushkar, A. Osnovy vneshnepoliticheskogo povedeniia Rossii v otnoshenii iadernogo voprosa Irana (Russia's Foreign Policy Conduct Regarding Iran's Nuclear Issue) // *Pazukheshnama-e ulum-e siiasi*, 2012, No. 1, pp. 39-77. (In Persian)

Rumi, F. Soedinennye Shtaty Ameriki i ikh vliianie na otnosheniia Irana i Rossii (The United States of America and Its Influence on Relations between Iran and Russia) // *Politika i obshchestvo*, 2015, No. 11 (131), pp. 1504-1510.

Sapronova, M.A. Rossiisko-arabskoe sotrudnichestvo do i posle «arabskoi vesny» (Russian-Arab Cooperation Before and After the «Arab Spring») // *MGIMO Review of International Relations*, 2014, No. 3 (36), pp. 27-36.

Semenova, T.A. Stolknovenie interesov Rossii i SShA Blizhnem Vostoke (The Clash of Interests of Russia and the US Middle East) // *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii*, 2013, No. 1, pp. 84-88.

Sovremennye rossiisko-iranskije otnosheniia: vyzovy i vozmozhnosti: rabochaia tetr. (Modern Russian-Iranian Relations: Challenges and Opportunities: working paper). Belobrov Iu.Ia. et al.; chief ed. I.S. Ivanov]. Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam – Russian International Affairs Council. Moscow: Spetskniga, 2014. P. 7.

Suleimanov, A.V. Geopoliticheskaia bor'ba Rossii, Turtsii i Irana v Tsentral'noi Azii i Zakavkaz'e (The Geopolitical Struggle of Russia, Turkey and Iran in Central Asia and the South Caucasus) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2013, No. 4, pp. 5-12.

Usuli, G.; Rasuli, R. Otnosheniia Irana i Rossii: vozmozhnosti, vyzovy i puti razvitiia sotrudnichestva (Relations of Iran and Russia: Opportunities, Challenges and Ways to Develop Cooperation) // *Siiasat-e khariji*. 2012, no.1. pp.71-98. (In Persian)

Vasetsova, E.S. Rossiia i Izrail' v siriiskom krizise (Russia and Israel in the Syrian Crisis) // *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriia: Politologiya*, 2016, No. 2, pp. 7-14.

Vorontsova, E.A.; Matevosian, A.V.; Kurmykin, O. Iu. Problema provozglasheniia palestinskogo gosudarstva

i pozitsiia Rossii (The Problem of the Proclamation of a Palestinian State and the Position of Russia) // *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, No. 14, pp. 69-71.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10004

IRAN AND ISRAEL IN THE FOREIGN POLICY OF RUSSIA: RESTRICTIONS ON THE WAY OF COOPERATION

Hasan Jabbarinasir

IRI's National Institute for Cultural and Social Studies, Tehran, Iran

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 18.07.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 12.10.2019</p>	<p>Abstract: Active involvement in Middle East affairs has become one of the key trends of the Russian foreign policy in the current decade. Given the highly competitive nature of engagement context of the Middle East, Russia has to constantly look for a balance in relations with the rivaling countries of the region. Iran and Israel are those states with relations fit well into the Cold War picture. Despite this fact, Russia manages to maintain a fairly high level of relations with both states. However, such maneuvering has its limits. The purpose of the article is to explore the main determinants of the importance of Iran and Israel in Russian foreign policy and key constraints of cooperation of Russia with those states at the present stage. The article uses the ideas of (neo) realism and (neo) liberalism. Methodologically, the study relies on a comparative method and the systems approach that makes it easier to establish correlations between external and internal foreign policy elements when reflecting on their impact on a state's foreign policy. <i>The main results</i> of the study include the following. <i>Firstly</i>, it has been established that Iran's place in contemporary Russian foreign policy is determined primarily by situational factors, while Israel's similar position is determined also by longer-term determinants based on historical, religious, ethnic, political and economic foundations. In the case of Israel, situational geopolitical and economic determinants are complemented by a relatively long-term human factor – resources and capabilities of the Russian-speaking Jewish diaspora. <i>Secondly</i>, it is shown that, despite the high level of Russia's cooperation with Iran and Israel at the present stage, there are a number of factors that limit the formation of strategic cooperation between them. The key constraints in this context in Russian-Iranian relations are epy problem of unresolved legal status of the Caspian Sea, Russia's "all-azimuth" strategy in the Middle East, Moscow's concerns about Iran's growing regional influence and its ability to diversify energy supply routes from Central Asia to Europe and the last but not least is the negative impact of rapprochement with Iran on relations with Western states. The key factors hindering the strategic nature of Russian-Israeli relations include not only the allied nature of Israel's relations with the United States, but also Russia's position on a Middle East settlement, Moscow's expanding engagement with the Palestinian National Administration and relations with Iranian backed – labeled terrorist by Tel-Aviv – military groups in the region. And <i>thirdly</i>, based on an analysis of a combination of factors, it is concluded that Russia's relations with Iran and Israel cannot be strategic, since some determinants of the significance of these states in modern Russian foreign policy at the same time appear to be constraints towards a closer cooperation within this triangle.</p>
<p>About the author: Candidate of Political Sciences, Researcher, IRI's National Institute for Cultural and Social Studies</p> <p>e-mail: hjabbarinasir@gmail.com</p>	
<p>Key words: foreign policy analysis; balance of power; Iran in Russian foreign policy; Israel in Russian foreign policy; Middle East</p>	

Для цитирования: Джаббаринасир Хасан Реза. Иран и Израиль во внешней политике России: ограничения на пути сотрудничества // *Сравнительная политика*. – 2020. № 1 – С. 44-64.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10004

For citation: Jabbarinasir, Hasan. Iran i Izrail' vo vneshney otvetstvennosti Rossii: ogranicheniye na puti sotrudnichestva (Iran and Israel in the Foreign Policy of Russia: Restrictions on the Way of Cooperation) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 1, pp. 44-64.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10004